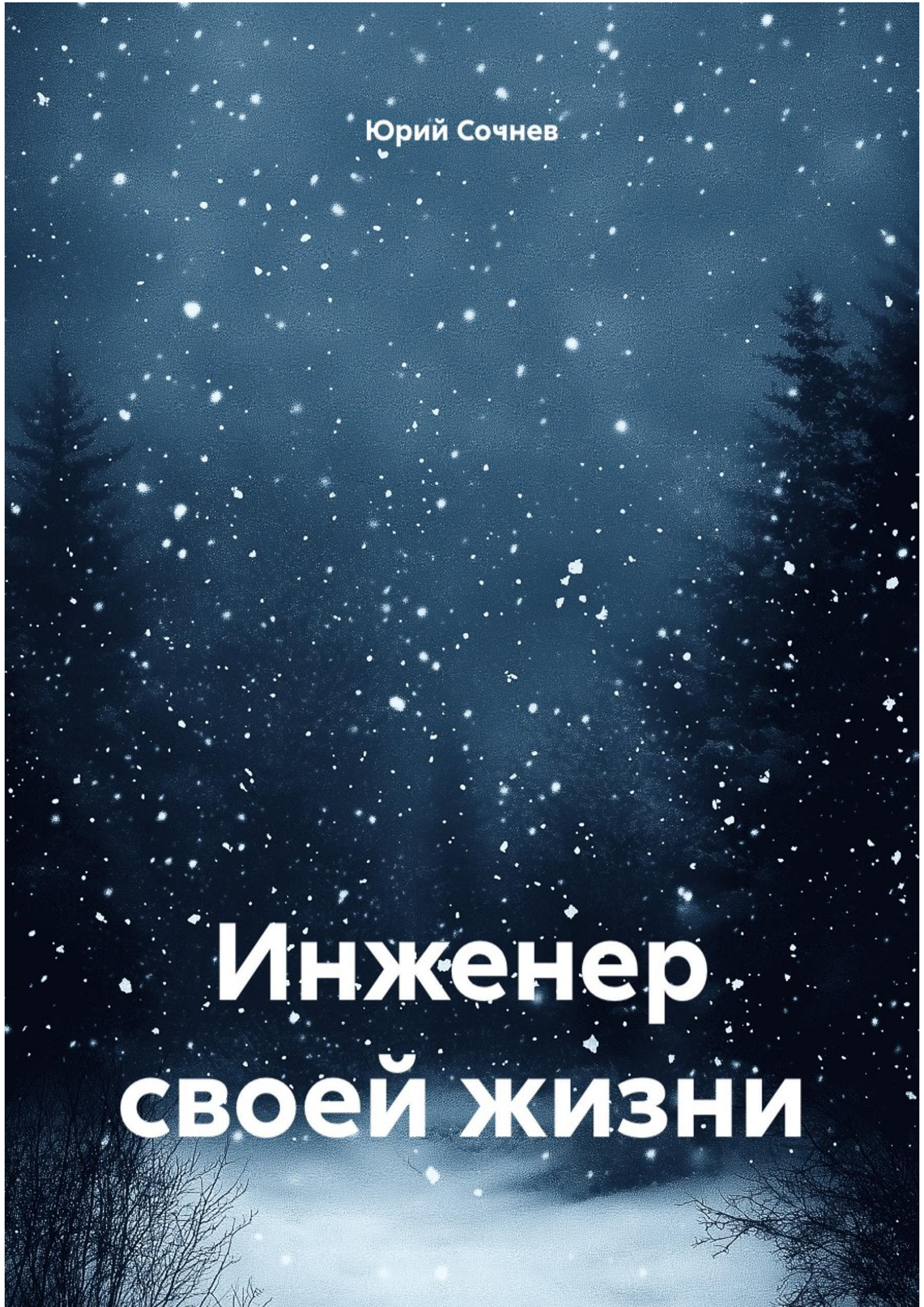

Юрий Сочнев
Инженер своей жизни

Юрий Сочнев

Инженер своей жизни

«Автор»
2026

Сочнев Ю.

Инженер своей жизни / Ю. Сочнев — «Автор», 2026

Автобиографическая повесть в стиле искренней прозы. Начиная с 4 лет.

© Сочнев Ю., 2026
© Автор, 2026

Юрий Сочнев
Инженер своей жизни

Сочнев
Юрий Анатольевич

ИНЖЕНЕР СВОЕЙ ЖИЗНИ
Автобиографическая повесть в стиле искренней прозы

Томск

2026

Вступление. Исходный код

Говорят, человек не выбирает время и место своего рождения, но именно они определяют наш первоначальный запас прочности. Я родился в г. Колпашево 9 июня 1985 года. В городе на берегу Оби — это значит с самого первого дня получить прививку от иллюзий. Июнь 1985-го — время, когда огромная страна заходила на вираж тектонических сдвигов, а здесь, в Томской области, жизнь всегда текла по своим, жестким законам..

Мое детство началось в микрорайоне Геолог, в первом доме, в одиннадцатой квартире на четвертом этаже, так и звучало Геолог 1-11. Этот адрес навсегда врезался в мою память как первая точка отсчета. Свою жизнь я почему-то отчетливо помню лет с четырех — редкий дар памяти, сохранивший для меня первые кадры моего личного фильма. Я помню себя беспокойным, шустрым мальчишкой, которому всегда было тесно в заданных рамках. Помню колпашевский детский сад, где я упрямо учился кататься на велосипеде, и откуда, не выдержав скучного распорядка, однажды просто сбежал. В памяти до сих пор живо имя моей воспитательницы — Раисы Сидоровны.

Из-за семейных неприятностей и моего беспокойного характера меня отправили в деревню Львовку — к маминым родителям, бабушке Гале и деду Максиму. Но там, во Львовке, меня, мягко говоря, не любили. Я был чужаком, изгоем из города. Для местных пацанов я оставался «городским», а там была глухая, суровая деревня со своими неписаными законами и настороженностью к пришлым. Я там тоже ходил в садик. Помню, как гонял телят, и меня не любили все коровы: если рядом проходила корова, то обязательно легнет. Как-то раз я шел через мостик, а на другой стороне корова — ну, несложно догадаться, что от удара копыта я так и улетел прямо в крапиву.

Законы воспитания в деревне были жесткие, средневековые, и я в свои пять лет уже отчетливо это осознавал. Меня передавали из рук в руки, как какой-то неудобный, мешающий взрослым сверток —примеряли то к одному дядьке, то к другому. Сначала был дядя Женя. Он работал трактористом, жил с тетей Валей, и своих детей у них не было. Память сохранила контрастные, резкие кадры: вот он приходит пьяным, молча дает мне, пятилетнему пацану, тяжелый подзатыльник и уходит курить к печке. А вот он же, но трезвый — сидит и аккуратно вырезает для меня из дерева автомат и другие игрушки.

Потом был дядя Валера, физрук в местной школе. Я помнил его еще совсем молодым, когда он приезжал к нам в Колпашево искать себе жену, чтобы увезти ее обратно в деревню. Наказывал он меня страшно и строго, по-своему, по-деревенски. В ход шел жесткий зеленый шланг от стиральной машины «Белка» или провод от кипятильника, а после этого — самое изматывающее: часами стоять на коленях у кровати на рассыпанной крупной соли. Но даже эта

физическая боль была ничем по сравнению с настоящей, изощренной психологической пыткой. Я стоял на соли, намертво вцепившись маленькими пальцами в холодную хромированную спинку кровати, а в соседней комнате по телевизору шел мой любимый мультфильм — «Чип и Дейл спешат на помощь». Сквозь стену доносились знакомые голоса, музыка, смех. И мне, пятилетнему пацану, приходилось закрывать глаза и прямо там, на коленях, воспроизводить в мыслях этот мультик. Я мысленно рисовал картинки под этот звук, улетая разумом из этой комнаты, чтобы не чувствовать, как соль въедается в кожу.

Внутри все равно жил маленький, отчаянно тоскующий ребенок. Я помню, как дождавшись, пока дома никого не будет, садился за стол и тайком, еще толком не умея писать, выводил на бумаге какие-то неровные буквы-каракули. Это были мои первые в жизни письма — письма маме, в которых я безмолвно умолял её приехать и поскорее забрать меня домой, обратно в Колпашево. Я прятал эти записки, баюкая в себе надежду, что этот сигнал бедствия как-то долетит до неё сквозь сибирские километры. Только спустя годы, став взрослым мужчиной, я по-настоящему понял и принял её мотивы. Моя мама тогда развелась с моим родным отцом. Оставшись одна в те смутные, тяжелые годы, она физически не могла в одиночку потянуть двоих маленьких детей — меня и моего старшего брата Влада. Эта отправка во Львовку была для неё не избавлением от обузы, а жесткой, вынужденной мерой выживания. И я, Юрий, инженер, привыкший докапываться до первопричин любых поломок, навсегда отпустил ту детскую обиду.

Но даже в этой глухой изоляции судьба порой протягивала мне руку. Во Львовке был один мужик — Игорь. Он работал на огромном желтом гусеничном тракторе и иногда брал меня, пацана, с собой в кабину. Для меня это были лучшие, самые счастливые часы среди всей деревенской серости. Мы ездили на фермы, и этот ни с чем не сравнимый, тяжелый сибирский замес — густой запах дизеля, сырого силоса и скотного двора — навсегда, на всю жизнь въелся в мою память. До сих пор, стоит мне закрыть глаза, я чувствую этот рабочий, суровый дух Львовки. Но главное чудо происходило потом. После смены Игорь забирал меня к себе домой и учил работать с паяльником. Он показывал мне, как выпаивать разные транзисторы, диоды и сопротивления из старых плат разбитых радиоприемников и выброшенных телевизоров. Там, на его кухне, в облаках сизого канифольного дыма, я, пятилетний мальчишка, обжигая до волдырей маленькие пальцы, впервые прикоснулся к магии электроники. Я работал с паяльником с колоссальным, запредельным удовольствием. Игорь стал тем единственным человеком, который разглядел во мне будущего инженера и подарил мне путеводную нить

Ещё моим утешением и молчаливым союзником в те дни была природа. Во Львовке она была потрясающей, дикой и величественной. Я часами мог смотреть на огромные старые тополя, на ветвях которых по весне шумно собирались птицы. Помню это низкое, свинцовое пасмурное небо, пронзительный сибирский ветер, гнувший вершины деревьев — всё это выглядело как на какой-то великой, тоскливой и одновременно прекрасной картине. В этой суровой красоте я находил покой.

Время шло, я постепенно рос, и деревенский мир начал поворачиваться ко мне другой, более светлой стороной. Помню, как мы уже шумной подростковой толпой катались на больших санях, запряженных лошадьми. Снег летел из-под копыт, ветер бил в лицо, а вокруг стоял оглушительный хохот. Именно тогда, среди этих зимних забав, я начал отчетливо замечать, что нравлюсь девочкам. Помню их лица, улыбки, робкие взгляды. Мы подолгу гуляли по деревне даже в самый лютый, трескучий сибирский мороз, и это первое, чистое человеческое тепло согревало лучше любой печки. Помню, как мы собирались местной детворой в деревенском клубе. Мы играли там все вместе, бегали среди деревянных лавочек, но моё детское внимание всегда тянулось к одной девочке — её звали Маша. От неё всегда как-то по-особенному, удивительно вкусно пахло хорошими духами — этот сладкий, нежный аромат казался настоящим

чудом среди привычных запахов печного дыма и сырости. Я перестал быть просто одиноким чужаком — я обретал свой голос, свою силу и впервые учился замечать женскую красоту.

Весной, когда солнце начинало припекать, мы с Машей и двоюродными братьями дожидались, пока на сугробах застынет плотный, ледяной наст — замерзшая, стеклянная поверхность снега, которую мы называли «Черым» и которая легко держала наш вес. Мы со смехом бегали по этой ледяной корке, прыгали наперегонки по огромным, пахнущим сухой травой тюкам сена, играя в догонялки, и до хрипоты рубились в «Царя горы» прямо возле школы. Нашей главной цитаделью была гигантская куча снега — та самая, которую на своем грохочущем желтом тракторе нагреб для нас дядя Игорь.

Летом, память до сих пор хранит наши безумные совместные поездки с двоюродными братьями в тайгу по грибы. Нас грузили в огромную деревянную телегу, запряженную синим трактором «Белорус», за рулем которого был дядя Вася, мы мчались по разбитым колейным дорогам. Из-под огромных задних колес трактора веером летели жирные куски раскисшей грязи. Надо было постоянно уворачиваться, но мы, пацаны, вместо того чтобы прятаться, дико хохотали и на лету ловили эти комья голыми руками. В этом грязном, веселом и бесшабашном азарте было столько настоящей, ничем не разбавленной свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.